

Ириэль Тоз смотрел вслед уходящей наставнице, и её стройная фигура быстро исчезла. Дверь мягко закрылась, и её тепло осталось лишь в его памяти, уступив место неумолимому шуму проливного дождя. Слабая улыбка, тронувшая уголки рта Ириэля, исчезла, растворившись в воздухе, как мимолётная тень.

— Я устал, — пробормотал он про себя, его голова пульсировала от головокружения и тошноты.

Давно он не чувствовал себя так плохо. Всё тело болело, словно его били, а жар, исходивший от повреждённой лодыжки, затруднял дыхание в прохладной комнате. Он убрал тёплую руку со лба и посмотрел в окно.

Снаружи, в тёмной ночи, продолжался ливень. Казалось, что наступил сезон дождей, ведь дождь не прекращался с полудня и не собирался стихать.

В отличие от утонувшего в воде мира за окном, Ириэль моргнул сухими глазами и прислонился головой к изголовью кровати. Успокаивающий шум дождя, разносившийся по пустой комнате, должен был принести ему хоть какое-то утешение, но он не мог отбросить дурные мысли, которые топили его, как зыбучие пески. Травма лодыжки была серьёзным ударом для рыцаря. Даже если ничего не было сломано, на реабилитацию потребуется время, и он не мог быть уверен, что вернёт себе прежние навыки. Существовала даже вероятность того, что он навсегда останется хромым.

Его разум не мог не выдумывать самые худшие сценарии — привычка, выработанная за всю жизнь, полную неудач. Казалось, что несчастье было его постоянным спутником с самого рождения. То, что он был младшим из восьми братьев и сестёр и родился в захолустном районе, практически гарантировало, что удача не будет к нему благосклонна.

Ему дали имя Ласт — простое отражение его положения как самого младшего среди братьев и сестёр. Имя было дано без всяких раздумий и тепла, а его так называемый отец проводил дни в пьянстве и редко возвращался домой. Было просто чудом, что Ириэль сумел выжить в этом полуразрушенном доме, погрязшем в долгах, без должного руководства и заботы. Никто из восьми братьев и сестёр не знал, кто их мать. За исключением Ириэля, который был похож на своего отца, их цвет волос и оттенок глаз сильно различались. Поэтому он предположил, что женщины, родившие их, были разными людьми. Когда родители не справляются со своими обязанностями, братья и сёстры часто полагаются друг на друга, но между его восьмью братьями и сёстрами не было никакой связи. Они настолько устали от жизни, что каждый пошёл своей дорогой, покидая дом один за другим в раннем возрасте. Один стал мошенником, другой — счетоводом, третий — слугой.

Его братья, унаследовавшие от отца только внешность, продавали свои внешние данные, чтобы хоть как-то прокормиться. Однако они часто теряли с таким трудом завоёванные позиции из-за своих тяжёлых характеров — черта, присущая всей семье. Самым успешным среди них был второй брат, который недавно получил должность в семье пожилого аристократа. Больше никому из них не удалось избежать нищенского образа жизни.

Наблюдая за тем, как его братья и сёстры всё глубже погружаются в отчаяние, Ириэль дал себе торжественную клятву. Он поклялся, что никогда не позволит своей жизни пойти по тому же пути. Он был полон решимости вырваться из тяжёлых обстоятельств, даже если ему придётся делать это в одиночку. Именно поэтому он стал рыцарем. Он научился встречать взгляды высокопоставленных особ, сдержанно и приятно улыбаться. Отказавшись от своего настоящего имени, Ириэль Тоз постепенно преображался. Он жаждал отдалиться от своей прежней жизни, вырваться из кошмарной трясины, которая хватала его, пытаясь удержать.

Однако удача не всегда была на его стороне. Он едва не пропустил вступительный экзамен, так как оказался в списке ожидания, который оборвался как раз перед его очередью. Все его спонсорские контракты были отменены из-за неверного решения, а лошадь, на которой он ехал, была напугана выстрелом.

Ириэль знал, что мир не всегда прогибается из-за его усилий, и неудача может постигнуть его в одно мгновение. Второй шанс редко даётся без решимости и упорства. Поэтому ему было трудно понять, почему его покровительница решила спасти его, развернув на свою лошадь, в то время как ей следовало бы без устали гнаться за свистуном. Такие решения редко принимались из чистого альтруизма; всегда присутствовал скрытый мотив или корыстный интерес. Действовать без личной выгоды считалось глупостью и быстрым путём к саморазрушению.

Ириэль вздохнул, выдохнув холодный воздух через рот. Он пожалел о том, что раньше спорил со своим спонсором. Ему следовало просто выразить свою благодарность. Она упомянула, что хотела бы видеть его в рашульке, и он задумался, стоит ли надеть её в следующую их встречу. Она также говорила о том, что хочет спонсировать Эша Грина, так что, возможно, он мог бы загладить свою вину, предоставив леди Лорен информацию о нём.

Задумавшись, Ириэль оторвал взгляд от залитого дождём окна и посмотрел на смятое одеяло в своих руках. Он чувствовал себя глупым и растерянным из-за того, что беспокоился о таких вещах. В любом случае его попечителю вряд ли было до этого дело. Он подумал о графине Дивиан, женщине, которую он никак не мог раскусить: холодная она или тёплая и душевная. Потерять предыдущих спонсоров и обрести её в качестве покровителя было необычной удачей, и он был намерен надолго заручиться её поддержкой. Однако понять графиню Дивиан оказалось непросто. У большинства спонсоров были чёткие мотивы, будь то тщеславие, демонстрация своего богатства или стремление к восхищению рыцарей.

Но его спонсор выглядела иначе. Казалось, она не хотела ничего особенного. Она не отвечала, когда он флиртовал с ней, а когда он преподнёс ей подарок, она выказала лишь простое удовольствие от его получения. Поначалу он считал, что ей нужна помощь, чтобы сблизиться с Ардором Битцем, но и это оказалось не так. Она даже сказала, что не знает, о чём он думает. Ириэль не мог понять, что у неё на самом деле на уме.

— Неужели она действительно хочет знать, что я думаю? — пробормотал про себя Ириэль, и его голос был заглушён шумом дождя. Он остался с опустевшим разумом, не в силах найти ответы на свои вопросы.

***

Праздник начался ближе к полуночи. Гости расположились на мягких диванах, неторопливо потягивая напитки в ожидании церемонии награждения. Я вошла вместе с Ардором и удобно устроилась на одном из широких низких диванов, удобно вытянув ноги. Свистун, теперь уже более спокойный, устроился на подлокотнике дивана, распушив перья.

— Устраивайся поудобнее, — посоветовала я Ардору, который сидел, не шелохнувшись, с прямой осанкой.

Ардор был одет в белоснежную рашульку, украшенную фиолетовыми и жёлтыми цветами, которую я недавно заказала для него. Подол рашульки доходила ему до колен, и это казалось нам обоим несколько неудобным. Проследив за движениями Ардора, я заметила слабый синий синяк на ноге — скорее всего, результат тренировок или недавнего несчастного случая в лесу. Я пожалела, что не пошила более длинную рашульку, которая бы закрывала его ноги и прятала такие раны.

— Не мог бы ты принести мне выпить? — спросила я Ардора, видя, что ему неудобно сидеть на месте.

— Конечно, — ответил Ардор, заметно просветлев.

Я попросила слугу принести плед, чтобы укрыть его колени, пока он сходит за моим напитком.

Ардор вернулся с бокалом шампанского.

— Накрой себя вот этим, — я протянула Ардору серый плед и взяла шампанское. — Почему ты принёс только один бокал?

— О. Я плохо переношу алкоголь... — ответил Ардор, слегка смущённо улыбаясь, и прикрыл пледом колени.

Я сделала глоток холодного шампанского, зная, что на этом сборище нет возрастных ограничений. Даже детям разрешалось употреблять слабоалкогольные напитки, так что редко можно было встретить людей, плохо переносящих алкоголь.

— Всё будет хорошо. Мы ляжем спать сразу после мероприятия, — успокоила я его.

— Я в порядке. Я действительно не переношу алкоголь, — настаивал Ардор, его уши слегка покраснели из-за отказа.

Я не могла удержаться от соблазна уговорить Ардора выпить, несмотря на его возражения.

Однако я подавила любопытство и неторопливо отпила из своего бокала. Через некоторое время музыка в праздничном зале стихла, и директор поднялся на подиум, где стоял оркестр.

— Кхм... Кхм... Приветствую вас, дорогие спонсоры. Вы все хорошо проводите время? — директор начал со свойственным ему пылом.

— Внезапный дождь, должно быть, застал всех врасплох, но, судя по впечатляющему улову, среди нас есть исключительные охотники, — в его словах звучала лесть, которая всегда казалась излишней. — В доказательство этому у нас есть два спонсора, которые поймали свистуна во время этого охотничьего турнира! Однако, к сожалению... победитель может быть только один, — притворно печалился директор.

— Принцесса Элисита добыла великолепного и священного свистуна. Его величественный окрас напоминает существо с картины, — директор академии поклонился в сторону Элиситы. — Однако графиня Дивиан лично принесла свистуна, хотя и меньшего размера, но живого. Похоже, ему приглянулась графиня, поскольку он явно следует за ней.

Все взгляды обратились к свистуну, сидевшему подле меня на подлокотнике дивана. Свистун расправил в воздухе крылья, потягиваясь, словно осозная, что к нему приковано всеобщее внимание.

— Ах! Такая величественная фигура. Как и ожидалось от символа наших рыцарей, — объявил директор.

Несмотря на свою врождённую свирепость, свистун был ещё малышом, размером не больше моего предплечья. Клюв и когти у него были острые, но на первый взгляд он казался миниатюрным. Назвать его величественным казалось абсурдом. Когда он хлопал крыльями и с любопытством изучал окрестности, то больше походил на маленькую игривую птичку.

— Как рыцарь выбирает себе покровителя, так и свистун, как известно, следует за своим хозяином, как только узнает его. Это в их природе — выбирать хозяина, и эта верность и преданность остаются непоколебимыми. Какая прекрасная сторона природы.

Речь директора не могла не показаться мне утомительной. Я сделала ещё один глоток шампанского, желая, чтобы он поскорее объявил меня победительницей. К сожалению, директор, казалось, не замечал моего стремления к краткости.

— Итак, тот, кого выбрало столь благородное создание, достоин стать победителем охотничьего турнира. Победителем этого летнего охотничьего турнира становится... графиня Дивиан! — произнёс он наконец.

Зал разразился аплодисментами и поздравлениями, но я чувствовала только облегчение от того, что церемония наконец-то подходит к концу.

<http://tl.rulate.ru/book/49548/3696866>